

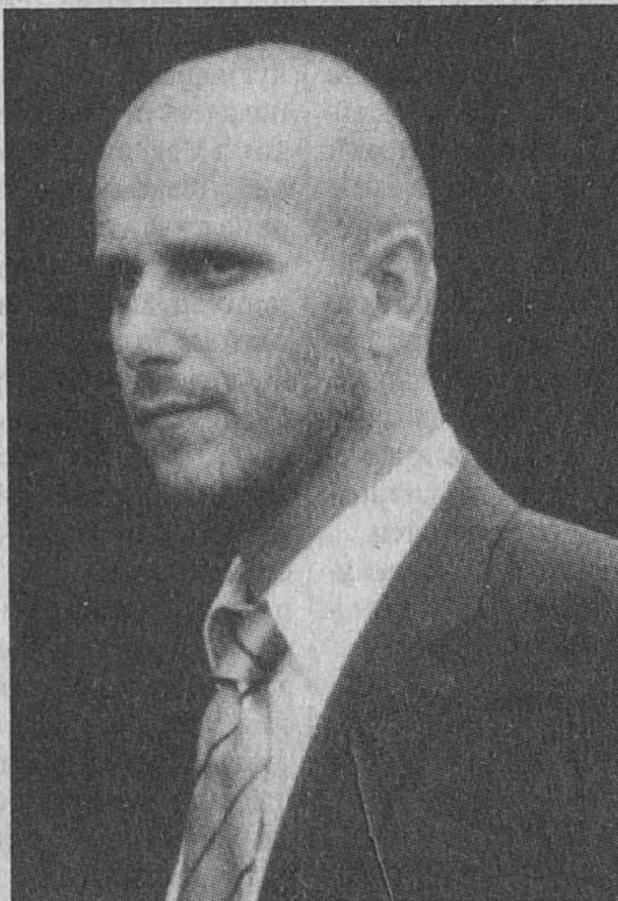
Перед московской премьерой «Демона-любовника» исполнитель одной из главных ролей ШАРЛЬ БЕРЛИНГ ответил на вопросы корреспондента „Ъ“ АНДРЕЯ ПЛАХОВА.

— Как повлиял этот фильм на вашу карьеру?

— Особых изменений пока не чувствую. Но это, видимо, потому, что и до сих пор у меня не было недостатка в предложениях: за двадцать лет я переиграл сорок ролей в кино и еще множество в театре.

— И что вы предпочитаете? Жан Рено сказал, что французский актер, работающий в театре, приносит добровольную жертву...

— Возможно, он имел в виду оплату. Если вы хотите работать на хорошей постановке с хорошими партнерами, это занимает у вас два года. А в кино гораздо больший гонорар можно заработать за шесть месяцев. Но для меня жертвы, которые я приношу театру, приятны и необходимы. В моем представле-

нии актер не просто предмет, который переносится из фильма в фильм. Он мыслит, сравнивает себя с другими, к чему-то стремится. Например, я выступил продюсером «Гамлета» и сам сыграл в этом спектакле. Знаю, что когда-то эту роль гениально исполнил Лоуренс Оливье, но ведь театр — это вечное повторение и обновление. У Оливье свои методы, у меня свои. Когда я вижу отличную актерскую работу, всегда радуюсь.

— Вы часто снимаетесь в эротических сценах. Это трудно или легко?

— Хорошо играть все трудно и требует усилий. Эротика не исключение. Проблемы начинаются, если вы, скажем, влюблены и привели свою девушку на фильм, где выступаете в чем мать родила и целуете другую женщину. Однажды я нарвался на скандал в такой ситуации.

— Существует ли «семья» французских актеров?

— Французское кино стремится сохранить свое лицо и свою независимость. В этом смысле мы семья. Часто во время съемок у

нас возникают особые чувства друг к другу. Я часто созваниваюсь с Изабель Юппер, хотя мы месяцами можем не видеться, иногда с Жераром Депардье. Недавно хоронили Мориса Пиала. Я с ним не работал, но мне больно потерять его как символ французского кино. Я вырос в большой семье и часто испытываю тягу к одиночеству. Чем больше тебя любят, тем чаще хочется вырваться из объятий. Я часто снимаюсь и в нерабочее время не испытываю желания постоянно оставаться с актерской «семьей». К тому же я не светский человек, работа мне гораздо интереснее.

— Вы недавно представляли французское кино в Москве...

— Да, впервые я к вам приехал и впервые понял, что Россия — это часть Европы, а русские — мои близкие. Когда я недавно снимался в Алжире, понял, что арабская культура от меня гораздо дальше. Европа — это та семья, которую я предпочел бы даже больше, чем Францию. И к ней относится Россия. Конечно, политика нас в прошлом отдаляла, но теперь возможно сближение.